

национал-демократического движения и теперь подпитывают титульную нацию патриотическими умонастроениями. Обелорусенные русские катализируют у ее новой генерации этнофоров интеллектуальную восприимчивость и новосистемные искания, которые завершаются выработкой стратегии общенационального Нововозрождения.

*С.А.Юрис, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. пол. и истории
ГГТУ(г.Гомель)*

АГРАРНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И МЕНТАЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 30-50-х г. XX ВЕКА

С середины 30-х годов колхозникам разрешено иметь личное подсобное хозяйство. Примерный устав сельхозартели (1935 г.) гарантировал это. Был принят принцип твердого налогообложения.

Стремление к установлению экономической зависимости колхозника от колхоза проявилась и в ограничении размеров личного хозяйства крестьян. На колхозный двор в республике допускалось, в частности, не более 0,4 – 0,6 га земли, корова, свинья. Не разрешалось превышение установления размеров участка. Например, в 1939 г. в ходе кампании по приведению размеров приусадебных хозяйств в соответствие с Уставом колхозов было обрезано у колхозников 110 тыс. га земли.

Следует отметить некоторые последствия государственного регулирования вопроса о приусадебном участке. Участок не является личной собственностью и по закону не мог передаваться или сдаваться в аренду (хотя на деле такие сделки заключались). Однако дом и другие строения, стоявшие на участке, были личной собственностью, и крестьяне вполне законно могли их продавать или сдавать. Это порождало множество сложностей, т.к. требовалось согласие колхоза на продажу. Как правило, дом оставался в личной собственности, даже если его владелец уезжал из села.

Когда колхозы стали реальностью, у крестьян, естественно, появились свои соображения относительно каких-то минимальных требований, предъявляемых к колхозной жизни. Они хотели иметь коров и считали, что государство должно обеспечить коровой каждый двор, они хотели обрабатывать приусадебные участки. Они полагали, что колхоз и государство должны помогать крестьянам в неурожайные годы. После уборки урожая, по их мнению, следовало в первую очередь удовлетворить их нужды, а потом уже проводить хлебозаготовки.

Приусадебный участок имел для крестьян важное значение не только как источник продуктов питания, но и как источник товарной продукции. В 1932 г. крестьяне (колхозники, единоличники и колхозы в

целом) получили право продавать излишки продукции на колхозном рынке, что во многих отношениях являлось аномалией в обществе, где любого рода торговля, производимая гражданами, за исключением колхозников и крестьян-единоличников, рассматривалась как «спекуляция», уголовное преступление.

В начале 1934 г. партийная организация Белоруссии подверглась суровому порицанию со стороны ЦК за то, что позволила колхозникам занять под приусадебные участки добрую часть колхозных полей. «Доходили до того, что приусадебные участки фактически превращались в основные хозяйства». Та же озабоченность выражалась в постановлении 1939 г. о защите колхозных общественных земель от разбазаривания, вызвавшем, как отмечалось, новую кампанию по усечению участков. Повсеместно распространилась практика «всякого рода незаконных прирезок участков сверх предусмотренных», заявлялось в постановлении, в том числе «наделения» колхозников землей в колхозных полях. Если земля приусадебного участка расположена в поле, а не вокруг дома крестьянина, то приусадебный участок «теряет характер подсобного хозяйства» и становится предметом первоочередного внимания колхозного двора, члены которого порой могут жить исключительно за счет своего участка и практически прекращают трудиться в сфере общественного хозяйства.

Можно проиллюстрировать это на примере. После Великой Отечественной войны часть территории республики – Тереховский, Речицкий, Стрешинский районы относились к степной зоне. По Уставу сельхозартели для этой зоны каждое хозяйство колхозника могло иметь по 2-3 коровы, 3 свиноматки с приплодом и т.д. Колхозники широко пользовались этим правом, излишки сельхозпродуктов сдавали потребкооперации. Руководители области, полагая, что наличие большого количества скота в личном пользовании колхозников тормозит развитие общественного животноводства, добивались сокращения разрешенных норм содержания скота. А так как, согласно Уставу сельхозартели, не позволялось преследовать крестьян, имеющих по 2-3 коровы в хозяйстве, то они добивались принятия единых норм, регулирующих размеры личного подсобного хозяйства на территории всей республики.

4 октября 1951 г. бюро ЦК КП (б) и Совет Министров БССР приняли постановление о единых нормах наличия скота в личной собственности колхозников. Каждый колхозный двор мог иметь теперь в личной собственности только 1 корову, до 2 голов молодняка, 1 свиноматку с приплодом, до 20 голов водоплавающей птицы и т.д. Что касается рабочего скота, то Устав сельхозартели запрещал держать его в крестьянском хозяйстве.

Не мог крестьянин посеять на своем участке и зерновые культуры. Запрет объяснялся тем, что наличие зерновых на приусадебном участке подрывало общественное хозяйство колхоза и служило маскировкой при растаскивании общественных хлебов. Несмотря на такую неверную политику по отношению к личному подсобному хозяйству, оно, тем не менее, играло преобладающую роль в государственных поставках животноводства. Оно в 1946 г. дало государству 88,2 % молока, 97,2 % яиц, 79,8 % мяса животных и птицы.